

Никита Пирогов (р. 1989, Ленинград) — художник, фотограф, поэт и исследователь фотографии. Изучал режиссуру театра и кино в РГИСИ (Санкт-Петербург, Россия). Окончил магистратуру в IED Madrid в 2013 г. Работает с идеей пацифизма в своих проектах через философский и поэтический подход к работе, исследуя такие темы, как личная и коллективная память, межкультурная идентичность, человеческая природа в разных культурных традициях, а также взаимоотношения между культурой, цивилизацией, религией и окружающей средой. Работы Пирогова были показаны в Южной и Северной Америке, Азии, Европе и Океании, в общей сложности примерно на сорока выставках, на таких фестивалях, как FotoFest International в Хьюстоне (Техас, США); Международный фестиваль фотографии в Пиньяо (Шанси, Китай); Месяц фотографии в Братиславе (Словакия); CLIF в Кури-тиба (Бразилия); Международный фестиваль фотографии Photovisa (Краснодар, Россия); Фестиваль фотографии в Оденсе (Дания) и других. В настоящий момент живет и работает в Сием Рипе (Камбоджа).

email: nppirogov@gmail.com

Никита Пирогов (Nikita Pirogov)

គ្មានសង្ឃឹម, (KHMEAN SANGKHUM) — BROKEN HOPE: ПОИСК СВОБОДЫ И МИРА. СОВРЕМЕННАЯ УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ФОТОГРАФИИ ЭПОХИ МЕТАМОДЕРНИЗМА

គ្មានសង្ឃឹម, (KHMEAN SANGKHUM) — BROKEN HOPE: THE SEARCH FOR FREEDOM AND PEACE. CONTEMPORARY UTOPIA AND DYSTOPIA IN PHOTOGRAPHY OF THE METAMODERNIST ERA

В проекте “Broken Hope” Пирогов документирует «изнанку» своей жизни в Камбодже. Простые, очевидные на первый взгляд фотографии сообщают зрителю о личном внутреннем поиске автора. Это происходит одновременно на трех уровнях. Первый — быт, документальная составляющая, повседневность. Второй — процесс ассимиляции, «вживание» эмигранта в новую культуру посредством внутренней работы. Третий — утопическая жажда свободы в мире, который еще совсем недавно хотел стать глобальным, но под гнетом старого мира как будто

передумал, выбрал комфортную зону ожидания, застрял между прошлым и будущим в настоящем. Это настоящее хоть и не лишено возможности некоего будущего, но вариативность этого будущего сокращается под внешним давлением современных мутирующих мировых идеологий, постепенно лишается знания о прошлом, находится в состоянии некоего «забывания». Лимб, в котором происходит молитва автора о преодолении застоя философских, идеологических и религиозных систем, является глобальным, тотальным, общемировым. В этом смысле Камбоджа является неотъемлемой частью современного мира, который развивается в режиме надзора со стороны общества и государства, где свобода — как внешняя, так и внутренняя, по мнению большинства, является преступлением. В работе происходит поиск выхода из тупика духовных и дискурсивных уловок современного оцифрованного, описанного мира, контролируемого государственными аппаратами и актерами, пошедшими на сделку со временем, в котором эти аппараты реализуют свои программы сохранения «старого порядка».

Развитие проекта и поиск выхода из сложившейся ситуации осуществляются в пространстве внутреннего мира автора, обретенного в пространстве внешнем: через встречу с людьми и сущностями, хранимыми древней кхмерской культурой, а также через взаимодействие с природой, взывающей через идею Земли как Храма обратиться к современному состоянию «Души мира». Автор призывает зрителей стать свидетелями этого поиска через работу, документирующую взаимодействие автора с другими людьми, природой, иным мировоззрением и культурой. Он словно ведом духом «Неизвестного», «Другого», чего-то потустороннего. Присутствие «Другого», «пришельца издалека», издревле хранимое кхмерской культурой, отображенное в архитектуре и религии Камбоджи, раскрывается в виде предстояния особого свойства мистерии, тайне, в которой присутствует надежда на избавление, искушение, преодоление современного застоя мировых обществ и культур, их идеологий и философий через попытку услышать нечто неведанное, которое, тем не менее, находится рядом — в вере людей, их быту и мировоззрении, и которое говорит о взаимопомощи, об улучшении жизни ближнего через особое взаимодействие, согласно некоему «Духу». Это взаимодействие не зависит от возраста, пола, расы, национальности, вероисповедания, социального положения и т.д. и строится на внутреннем ощущении общности, безразличия и участия. Тем не менее, эта надежда является испытанием, поскольку постоянно ускользает, оставляя автора и его героев один на один с сомнениями и кажущейся невозможностью изменить действительность.

«Остров», «бережок», к которому причалил автор и к которому причаливают его герои, является своеобразной бухтой мечтания, где возможна глобальная свобода. Это ощущение не является иллюзией, но мечтой или желанием кхмерского народа, которые передаются древней многострадальной кхмерской культурой жителям страны и приезжим. Интуитивный подход к материалу и процессу съемки раскрывает новый тип восприятия, который является промежуточным в классической дихотомии «анализ — созерцание» и который обретается посредством шаманистского подхода к действительности. Этот подход, тем не менее, не является игровым, то есть эта реальность подлинна, в ней сосуществуют божества и демоны — известные и неизвестные, духи и сущности, мистические связи, особое запредельное, неведомое или давно забытое знание, повествующее о возможности если не новой религии или идеи, способной объединить как кхмерский народ, так и все человечество, то хотя бы о возможности «иной», очень глубокой коммуникации. В проекте это обретает форму своеобразного танца с фотографией, где автор является одновременно ведомым (внутри местной культуры и в жизни его героев) и ведущим (как автор, документирующий эту сущность и действительность, в которой она действует). Автор идет по следу неизвестного, «Духа», который, тем не менее, реален.

Стоит еще сказать, что автор до конца не уверен в «правильности» постоянно выбираемого пути, поскольку все время оказывается в «terra incognita», а канал интуиции периодически замолкает и оставляет автора и его героев с «Broken Hope» — термином или феноменом, существующим в кхмерской культуре, о котором и идет речь в проекте. Этот феномен является очень негативным, отрицательным состоянием, когда кажется, что свет меркнет, когда все беспросветно, и только «Другой» — человек, герой, может прийти на помощь и вывести из него. Это подпитывается событиями из реальности, «объективной» действительности, и зачастую нежеланием других двигаться в направлении, в котором двигается автор. Процесс фотографирования в данном случае становится «камланием» или молитвой, песней война духа, наподобие ритуалов коренных жителей Америки. Автор взаимодействует как с изнанкой действительности, полной неизвестного, магии и тайны, так и с лицевой ее стороной, то есть с бытом, привычным порядком вещей, миром, как мы его знаем. Если сущности живут посредством воплощения в предметности, и если созерцая себя и внешний мир мы способны познать «суть», то опыт предстояния «Единому», «Источнику» может быть постигнут посредством переживания жизни не только как последовательного постоянного перерождения — как мирского, так и духовного, но и как полного присутствия в моменте «здесь и сейчас», которое выводит к Земле как всеобщему Храму, населенному всеми живыми существами во все времена одновременно — как прошлые, так и будущие, и соответственно приводит к желанию общемирового обновления в настоящем и к борьбе за возможность избавления от неистинного, наносного, мертвого, условного мира, который разделяет и сеет непонимание между людьми и государствами.

Таким образом, работа Пирогова говорит о стремлении к равенству, свободе, изобилию, подлинной любви к человеку и жизни, которая может быть реализована во всех реальностях и мирах одновременно, начиная с бережного отношения к ближнему в нашей действительности. Эта утопия (или реальная возможность) может быть реализована здесь и сейчас, в нашем мире. Раскрывая опыт бесконечности, вечности, надежды на изменение и избавление от страданий, ក្រុងសង្ក្រី (Khmean sangkhum), «Broken Hope», дает возможность нового мира или сохраняет эту возможность от полного исчезновения.

**Sombien, Theary and Maly. 2018. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Koi with his daughter. 2018. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

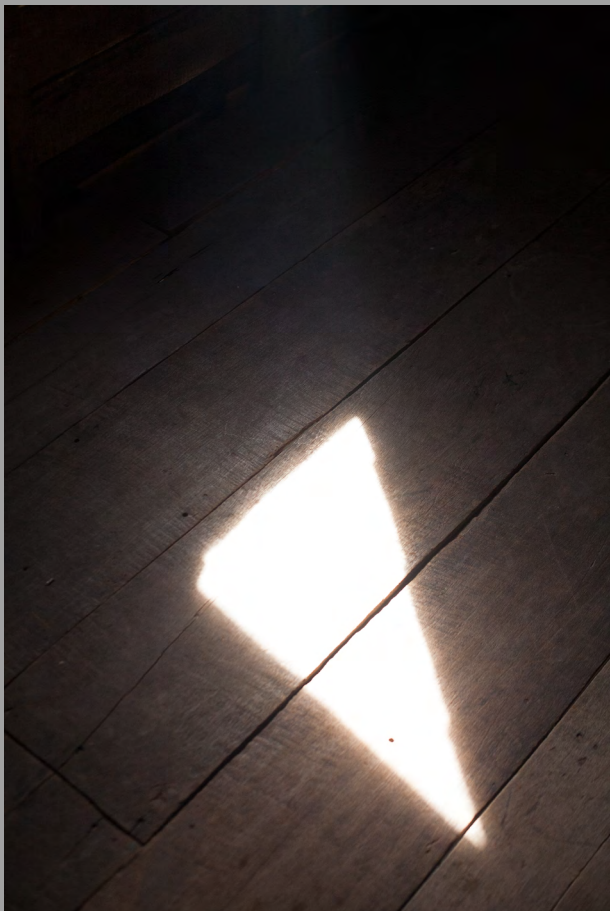
**Sombien's mother. 2018. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Soth. 2017. 70x50 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Untitled #14. 2018. 90x60 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Evening #1. 2018. 45x30 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

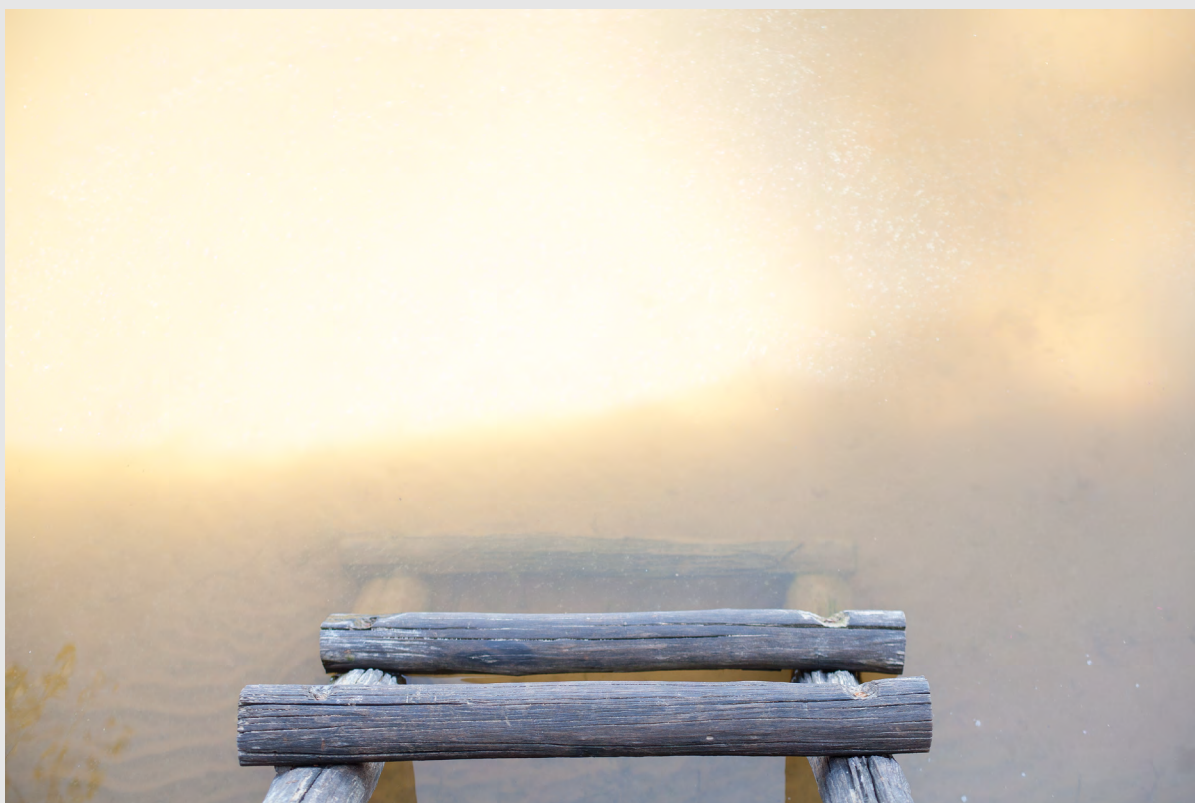
**Untitled #19. 2017. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Untitled #3. 2018. 90x60 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Tonle Sap at night. 2019. 90x60 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

Cloud as Meru. 2018. 30x20 cm. C-print © Nikita Pirogov

**Baray. 2018. 120x80 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

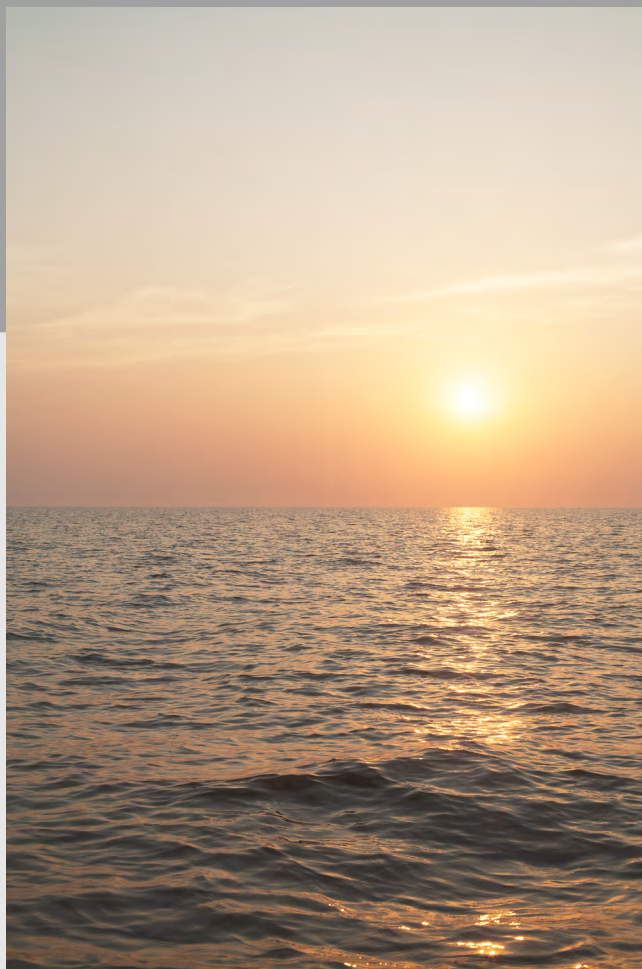
**Skull. 2019. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Spirit's house in wasteland. 2017. 90x60 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

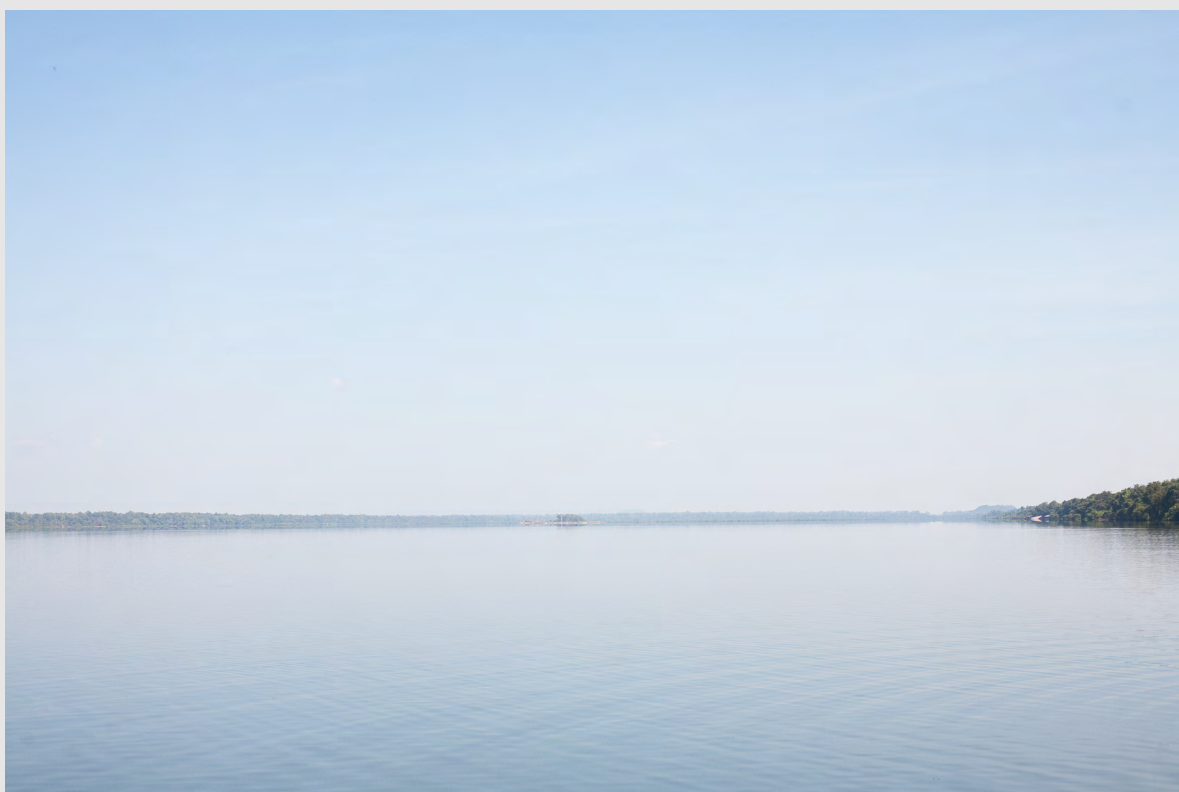
Burning. 2017. 30x20 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov

Tonle Sap #17. 30x20 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov

**Sunset #2. 2017. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

**Baray #2. 2017. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov**

Baray #8. 2017. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov

Broken glass #1. 2017. 60x40 cm.
Archival pigment print © Nikita Pirogov